

Тун Хуайцин едва оправился от болезни. Несмотря на пару глотков воды, во всем теле сохранялась тяжелая, изматывающая слабость.

Натянутая, едва заметная ухмылка отдавала желчью.

Он паясничал намеренно.

Вообще-то он планировал уехать в какое-нибудь живописное, тихое местечко — подальше от людей, к горам и чистым рекам. Понятия не имел, как его занесло в эту захолустную глушь.

Хотя... сам виноват.

Скандал с родными, грызня с организаторами, сорванное выступление... Он помнил, как сжался в комок на полу гримерки, содрогаясь от гипервентиляции. Воздух со свистом покидал легкие, а сквозь шум в ушах пробивался панический лепет ассистента:

— Учитель Тун себя неважно чувствует...

— Да-да, пустяки! Мы дико извиняемся...

И яростный голос режиссера за дверью:

— Мы ради него «Стейнвей» притащили! Всё по высшему разряду! Финальный номер программы, чёрт возьми!..

Дверь захлопнулась снаружи.

Тун Хуайцин корчился на полу. Упала вешалка, и на него ворохом обрушились сценические костюмы: расшитые пайетками и жемчугом фраки, пышные кринолины, шляпа с длинными перьями... Он погружался на самое дно, душно, легкие горели, глаза застилала жгучие слезы. А сквозь пелену проступал образ: дежурно улыбающиеся девушки-хостес катят огромный двенадцатилетний торт.

Толпа ликует, аплодисменты оглушают.

«Принц фортепиано!»

В ладонь вкладывают серебряную лопаточку для торта. Его подталкивают к кремовой башне. На нем изысканный черный фрак, темно-зеленый виндзорский узел, осанка безупречна, а на губах — вышколенная улыбка для журналистов с вспышками камер.

Вспышка!

Завтра этот снимок украсит главные полосы газет: девятнадцатилетний Тун Хуайцин вновь завоевал международную премию.

За руку его держат наставник и мать — а может, еще какой-то покровитель, он уже не помнил. Серебряное лезвие медленно погружается в бисквит, крем слегка подтаял, и засахаренная вишенка с верхушки, пошатнувшись, соскальзывает вниз.

Скользит по тыльной стороне его ладони.

Пролетает сквозь шесть лет кошмара и хаоса.

Плюх.

Вместе с поднятым со дна гравием она рухнула в чужую, тихую речку, разбивая отражение луны на мелкие осколки.

Тун Хуайцин смежил веки. Ночной ветер трепал волосы, под ногами чавкала влажная, заросшая сорняками земля. Вокруг стрекотали цикады, кричали выпи, а в душе царила звенящая пустота. Он не знал, где находится.

Память подкидывала лишь обрывки: толкотня на вокзале, его толкнули к кассе. Гомон толпы взрывал виски, сзади какой-то мужик больно ткнул его чемоданом в локоть.

«Не трогайте меня!»

«Бежать! Как можно дальше!»

В голове бился один и тот же истеричный крик. Кассирша раздраженно постучала по стеклу, вырывая его из оцепенения.

— Я спрашиваю, куда едем?!

В горле застрял сухой ком. Тун Хуайцин, точно лунатик, протянул купюры, но не смог вытолкнуть ни звука.

Он уже давно потерял способность говорить. Лишь молча кивал.

— Вы с тем парнем вместе? — не так поняла кассирша. — Ну, значит, в уезд Аньчуань.

Красный корешок билета зажат в кулаке. Стук колес плацкарта. Тун Хуайцин впервые в жизни ощутил такой букет тошнотворных запахов: дешевая заварная лапша, перегар, въедливый пот. Заснуть он так и не смог. Сидел, вытаращив глаза, пока резкий свисток паровоза не возвестил о прибытии в уезд Аньчуань.

От станции он брел наугад, пока не вышел к речке.

Ночь давно вступила в свои права.

Осколки луны на воде снова сгладились в ровный серебряный диск. Мерцали светлячки. Тун Хуайцин сделал шаг в воду, желая зачерпнуть ладонями эту звездную прохладу.

И тут произошло неизбежное.

Кусты в человеческий рост треснули под напором, с шумом взметнулась испуганная птичья отара, и прямо на него из темноты вылетел грузовой трицикл. Тун Хуайцин только и успел повернуть голову, как слух резанул отчаянный визг тормозов на мокрой траве.

В следующее мгновение он вместе с железякой и её водителем со всей дури ухнул в воду.

Всплеск вышел оглушительным.

Река оказалась куда глубже и холоднее, чем выглядела с берега. Тун Хуайцин захлебнулся, в панике барахтаясь и пытаясь ухватиться хоть за что-то. Ледяная жижа мгновенно залепила глаза и уши, грудь сдавило ужасом. Вдруг сильная рука мертвой хваткой вцепилась в его плечо и рывком вытолкнула наверх.

Дай глотнуть воздуха!

Тун Хуайцин судорожно кашлял, задыхаясь. Когда его вытащили на берег, лицо парня успело посинеть от холода, зубы выбивали дробь, а худое тело сотрясали крупная дрожь и судорожные вдохи. Спаситель же долго не раздумывал: перехватил его поперек талии, сгреб в охапку и бесцеремонно взвалил себе на плечо, словно мешок с мукой.

От головокружения Тун Хуайцин едва разомкнул веки. Он висел вниз головой на спине какого-то широченного мужика. При каждом шаге в свете луны на его бронзовой, мокрой от воды спине перекачивались тугие мускулы.

Но поза была донельзя унижительной.

Задница торчит кверху, ноги перехвачены крепким предплечьем, а массивное плечо при каждом шаге поддыхивает прямо в желудок. Не успела тошнота подступить к горлу, как Тун

Хуайцин отчаянно задержался, пытаясь сползти. Вслепую болтая ногами, он носком ботинка уперся во что-то твердое.

Прямо там, где сцеплялись пальцы мужика.

Твердый. Цилиндрический. Предмет.

Тун Хуайцин аж изменился в лице. Издав дикий хрип, он попытался вырваться, но стоило разжать рот, как из него фонтаном выплеснулась порция ледяной речной воды.

Он был беспомощен, словно пойманная ребенком стрекоза.

Мужчина не стал удерживать его силой. Медленно спустил парня на землю, поддерживая и ладонью поглаживая по спине, сам тяжело дыша.

— Ты чего это? Если жизнь прижала, не надо сгоряча глупостей делать!

Тун Хуайцин вытер мокрое лицо и впервые за два месяца выдавил из сиплого, сорванного горла хоть какие-то звуки:

— Пшёл... вон!

«Мало того что озабоченный, так еще и мужеложец! Нагло уставиться, да еще и распустить руки в такой момент!»

Тун Хуайцин развернулся, чтобы уйти, но ноги подкосились. Руку тут же цапанули сзади. Он хотел развернуться и вклепить хаму звонкую оплеуху, но колени окончательно предательски подогнулись. Струна, натянутая внутри до предела последние недели, лопнула. Яркая луна равнодушно сияла в небе, а он, беспомощный, застрял в глуши в лапах какого-то мерзавца.

Какое унижение.

Плюх.

Снова звук упавшего в воду камня. Луна на речной глади опять разлетелась на тысячи брызг.

Крылья стрекозы безжалостно смяты.

«Да и к черту всё...»

Тун Хуайцин закрыл глаза. Сознание угасало. Он пассивно ждал, когда начнется кошмар.

Однако вместо надругательства его ждал укол от жара.

Адски болезненный.

Сельский доктор церемониться не стал: засадил огромную дозу от души. От резкой боли полубессознательный Тун Хуайцин дернулся, в судороге вытянув пальцы. Чи Е, прикрывавший ему глаза ладонью, слегка нахмурился:

— Когда подействует?

Врач уселся обратно за стол:

— Да полчасика подожди... Всяко отпустит. Слушай, а на кой ты ему глаза-то зажимал? Это же обычная инъекция в ягодицу!

— Привычка, — Чи Е прижал ватный тампон к месту укола. — С Ноно и Яньнянем так всегда делаю. Да и вообще: я его из воды выловил, он водой поплювался, а потом бац — и в жар бросило. С чего бы?

— Перепугался, да еще в ледяную воду сиганул, — доктор принялся раскладывать ампулы. — Обычное дело. Кстати, я этого парня у нас в уезде отродясь не видел. Твой родственник из города?

Чи Е качнул головой, неохотно вдаваясь в подробности. Выбросив ватку в ведро, он аккуратно подтянул парню штаны.

Он и сам был в замешательстве.

Доброе дело ведь хотел сделать! Накрылся его импортный фонарик — а ведь он всего-то пошел ночью к реке наловить детям крабов. Уж собирался домой, когда заметил на берегу юношу. Тот стоял среди камышей сам не свой. Чи Е присмотрелся — а парень возьми да пошагай прямо в омут. Речушка хоть и невзрачная, да дно там коварное: ямы, омуты, да еще берег глинистый, скользкий. Не раз народ тонул. Чи Е, не думая, рванул на трицикле на выручку, да сгоряча не успел зажать тормоз — так вместе с хламом и впорхнул в воду.

А этот задохлик вместо благодарности едва не выбил носком ботинка фонарик из кармана, да еще и облаял на прощание.

Вымок до нитки, личико с ноготок бледное, злое — вылитый кот, которому наступили на хвост.

Эх, кабы не собственный грех — сам ведь его протаранил! Пришлось тащить к себе, чтобы переодеть в сухое да разузнать, чей такой горемыка. А у того прямо на пороге температура под сорок и судороги. Пришлось сломя голову тащить бедолагу в амбулаторию.

Фонарик, наглотавшийся воды, даже разобрать не успел.

Чи Е аж сердце закололо от досады. Хоть и карманный, а светил дай боже, да еще и фирменный, заграничный!

На Ноно надежды нет, а вот Чэнь Сяньян, может, и сообразит, как просушить детали, чтоб не ржавели. Чи Е ведь только домой прибежал, даже переодеться толком не успел, как пришлось возиться с этим городским барчуком.

— Выйду перекурю.

Тун Хуайцин уже дышал ровно, беспокойно разметавшись по подушкам. Щеки все еще горели нездоровым румянцем. Чи Е поднялся, поправил напольный вентилятор, чтобы поток воздуха не дул прямо на больного.

Ночь дышала тишиной. От сигареты тянулся тонкий сизый дымок, на конце тлел алый огонек.

— Точно не знаешь его? — доктор вышел вслед за ним, сладко затянувшись. — Не местный — факт. Хотя... присмотрелся я к нему: рожа будто знакомая.

— Оклемается завтра — расспрошу, — Чи Е стряхнул длинный столбик пепла.

— Ты б у него паспорт глянул или регистрацию. Смотри, не наживи проблем на свою голову.

Окурок полетел на землю. Чи Е раздавил его подошвой и коротко буркнул:

— Угу.

Но узнать хоть что-то так и не удалось.

Известна была лишь фамилия — Тун.

Первые дни парень метался в бреду под капельницами. Когда с него сшибали пот или переодевали, он лишь слабо трепетал длинными ресницами. В карманах отыскился бумажник с деньгами, но ни единой бумажки, удостоверяющей личность. Появился из ниоткуда, будто принесенный ветром.

А когда пошел на поправку — замкнулся. На вопросы не отвечал, словно воды в рот набрал.

Огрызаться-то он умел, значит, не немой. Видно, в башке тараканы. Чи Е решил не наглеть: выхаживать его еще пару дней, а там, если что, отвести в участок. Там-то уж выяснят, откуда принесло этого найденыша.

У любого дикого зверя есть нора. И у этого строптивного бродяжки наверняка где-то имеется дом.

...И вот сейчас Чи Е засомневался. Какой из него «маленький господин»? Даже его троюродная тетка не была такой капризной.

Загадка, а не парень.

Чи Е окинул его взглядом. Тот сидел, опустив взор. На щеке темнела крохотная родинка, густые черные волосы обрамляли бледное лицо, а пушистые ресницы казались мягкими, точно пух.

Сколько ему лет — бог весть, но Чи Е подсознательно ставил его в один ряд со своими малолетними сорванцами.

«Что это он сейчас губами шептал? Не разобрать...»

«Пощупал мои мышцы... Неужто позавидовал?»

Чи Е критически осмотрел худые руки и тонкие ноги парня и вполне серьезно предложил:

— Хочешь подкачаться?

Тун Хуайцин опешил и вскинул голову.

— Если здоровье слабое, надо подкачаться, — Чи Е бесцеремонно сжал его плечо. — Хм... А ведь пропорции у тебя хорошие.

«Опять лапает?! Ах ты озабоченный кобель!»

Тун Хуайцин, хоть и находился в состоянии полной апатии к собственной жизни, терпеть подобные приставания не намеревался. Он сжал зубы, и в следующее мгновение широкая, мозолистая ладонь Чи Е сама оказалась у него на груди.

Лапа у мужика была огромная, с узловатыми суставами и огрубевшими подушечками пальцев.

Она легко накрыла добрую половину грудной клетки Тун Хуайцина.

Чи Е спокойно надавил:

— Грудь тоже ниче так. Руки и корпус развиты получше, чем ноги.

Он отстранился:

— М?

«Чего это он взъелся?»

Чи Е привык общаться по-простому, с мужиками они и не так шутили, но глядя на этого белокожего красавчика, слово «братуха» застряло в горле.

Тун Хуайцин отличался от мужиков с лесопилки как небо и земля.

— Ты чего?

Тун Хуайцин смерил его ледяным взглядом и со всего размаху всадил кулак Чи Е прямо в живот!

Бум.

И сам же отлетел на полшага.

Он специально целил пониже. Для пощечины пришлось бы высоко тянуться — еще перехватит руку. А в каменную грудь врезать — сам кости переломаешь. Живот казался идеальной мишенью: там мягче, защитить труднее. Тун Хуайцин рассчитывал свалить хама с ног одним ударом, чтоб впредь распускать руки расхотелось.

В такой ледяной воде — и возбудиться!

Мерзость!

Воздух в комнате загустел. Даже две детские мордашки, подглядывавшие из-за косяка, замерли.

Чи Е почесал затылок:

— Ты цел?

Тун Хуайцин задохнулся от ярости. Вспыхнув до кончиков ушей, он вцепился в предплечье Чи Е и изо всех сил вонзил зубы в его мускулистую руку!

Без капли жалости.

Чи Е даже не шелохнулся. Лишь повернул голову к двери:

— А ну брысь уроки делать. Пока не напишете — за стол не сядете.

— Брат, — подала голос Чи Ино, — вы чего делаете?

Чи Е оставался воплощением спокойствия:

— Мужские разборки. Шутим так.

Две головки мгновенно скрылись за дверью. Чи Ино и Чэнь Сяньян уставились друг на друга.

— Разве мужики так дерутся? Друзья брата его вроде не кусали...

— Не знаю, — Чэнь Сяньян покачал головой и посмотрел на картинку с суровым Гуань Юем на стене. — ...Но Гуань Юй и Чжан Фэй точно друг друга не кусали.

<http://bllate.org/book/19966/1985734>